

Глава 97. Сначала выпей лекарство, ладно?

Пляшущее громовое пламя погасло ещё до того, как его обняла эта чистая белая душа.

В одно мгновение острая боль в душе и жажда убийства схлынули, словно отступающий прилив.

Цзян Тан обеими руками крепко обнял Фу Линцзюня за талию и, будто успокаивая ребёнка, тихо повторял:

— Всё хорошо, всё хорошо...

Голос у него был мягкий, чуть дрожащий, будто он вот-вот расплачется.

В тот миг исчезли все крики, брань и сомнения.

Фу Линцзюнь слышал, как с треском горит дерево, как на землю падают обломки балок, как ветер уносит прочь клубы дыма. Слышал эти тихие слова, от которых душа понемногу успокаивалась. Слышал сердце человека, прижавшегося к его спине. Тук. Тук. Горячее, частое.

Вокруг них бушевало пламя, волнами накатывал обжигающий жар. Кровь всё ещё капала с пальцев Фу Линцзюня, лежавших на рукояти меча Шифо. Пальцы дрогнули — и с них разлился бледный золотисто-красный световой туман, укрывший юношу.

Он отгородил его от жара и дыма.

Фу Линцзюнь развернулся, убрал меч и заключил в объятия человека, который сам подошёл к нему.

Цзян Тан, привстав на цыпочки, ответил на это объятие и тихонько похлопал Фу Линцзюня по спине. Сердце, от страха и тревоги словно подвешенное в воздухе, наконец опустилось на место.

Но в следующую секунду его уже накрыла обида.

— У тебя кровь, — увидев окровавленные пальцы Фу Линцзюня, он заёрзал, пытаясь выбраться из объятий и как следует его осмотреть.

Но тот только крепче стиснул его за талию, уткнулся лбом ему в плечо и хрипло, устало прошептал, будто смертельно измученный:

— Дай мне ещё немного тебя подержать.

Цзян Тан замер.

Он знал, что после ран Фу Линцзюнь восстанавливается очень тяжело, поэтому заранее набил свою жемчужину-нахай заживляющими мазями, а потом ещё и накопил в павильоне Шаньхай немало пилюль для лечения внутренних повреждений. Духовные камни утекали рекой, но ему ни капли не было жалко.

Не отталкивая человека, который его обнимал, Цзян Тан на ощупь достал из жемчужины-нахай фарфоровый флакончик с лечебными пилюлями, высыпал одну на ладонь и, погладив Фу Линцзюня по волосам, тихо попросил:

— Сначала выпей лекарство, ладно?

Фу Линцзюнь наконец отпустил его и послушно проглотил пилюлю, которая для него почти ничего не значила.

— К-кто он такой? — один из культиваторов, увидев это, остолбенел. — Как вообще кто-то может осмелиться подойти к этому великому демону?.. Да ещё так близко.

Цзян Тан любил поесть и погулять, а в свободное время то и дело шатался по улицам области Цянькунь. К тому же он был хорош собой, так что прохожие невольно заглядывались на него. Стоило этому культиватору спросить, и сразу нашлось немало тех, кто его вспомнил.

— Я видел его, когда покупал пирожные. Тогда рядом с ним тоже был высокий охранник, но не такой высокий, как этот, — кто-то указал на Сян Сина и понизил голос.

— Я видела его у лотка со шпильками на ночном рынке. Тогда с ним был другой мужчина — высокий, крепкий и с самым обычным лицом, — сказала женщина-культиватор, помнившая всё очень отчётливо.

— Он несколько дней подряд покупал у меня цинлинго, — подал голос хозяин фруктовой лавки.

— Он часто ходил есть тушёное мясо на другом конце длинной улицы.

— А не так давно ещё одежду покупал, я своими глазами видел с другой стороны улицы.

— Я его в трактире...

— А я в винной лавке...

— А я в павильоне Шаньхай...

Стоило одному заговорить, как загалдела вся толпа. Каждый называл своё место, и список тянулся всё дальше и дальше — от того, что было месяц-два назад, до позавчерашнего дня.

— Тсс... Так получается, Фу Шэн уже давно жил в области Цянькунь, а никто этого даже не заметил?!

От этих слов все потрясённо зашумели. Из двух святых, постоянно живших в области, одного — владыку области Цзян Чаньюаня — сейчас можно было не считать. Но второй-то был главой секты Лянъи, святым Дао Янь Цунси, чья сила уступала только Цзян Чаньюаню. И вот великий демон Фу Шэн проник в область прямо у них под носом и целых два месяца жил здесь, оставаясь незамеченным! Что это вообще значило? Неужели он один оказался сильнее всех святых вместе взятых?

Тут кто-то ещё добавил:

— Он... кажется, дружил с молодым господином Е. Я не раз видел, как он ходил вместе с ним.

— Я тоже, — тихо подтвердил другой.

Воздух вдруг застыл.

Все разом обернулись.

Неподалёку позади них Е Чжэнвэнь стоял на одном колене рядом с Янь Цунси и тщательно вытирал платком кровь у него с лица и одежды.

Их разговоров он не слышал. Всё его тело трясло, а глаза покраснели.

— Интересно, знал он об этом или нет, — человек невольно понизил голос и принялся гадать.

— Тш, не говори такого! — тут же одёрнули его. — Если бы он знал, неужели стал бы вредить собственному дяде? Сейчас Цзян Чаньюань запечатан, и только почтенный Хуай и глава Янь ещё способны хоть как-то противостоять Фу Шэну. Не болтай больше лишнего, дай главе Яню спокойно прийти в себя!

С виду эти слова будто бы защищали Е Чжэнвэня, но на деле в них всё равно слышался страх перед Фу Шэном. Большинство присутствующих не жило в его эпоху, но та кровавая бойня передавалась в преданиях очень широко.

Тогда Фу Шэн, будучи ещё лишь на ступени бессмертного Дао, перепрыгнул через ранг и убил сразу двоих святых. Одним этим он до смерти перепугал всех, кто гнался за ним. И только когда Цзян Чаньюань собрал пятерых последних святых своего времени, Фу Шэна удалось с трудом запечатать в долине Тяньбэй.

Даже если собрать всех здесь вместе, им всё равно не справиться с ним.

— А что, если он сейчас начнёт убивать? — кто-то вслух озвучил тревогу, которая сидела в сердцах у многих.

И это действительно была проблема, с которой им вот-вот предстояло столкнуться.

— А может... — предложил один человек, — раз ему так дорог тот юноша, схватить его и взять в заложники? Сработает?

— Ты с ума сошёл?! Кто сумеет вырвать человека у Фу... у него из-под носа?

— Я... я просто так сказал...

Пока они шептались, двое в дыму, кажется, немного отстранились друг от друга.

Некогда великолепная область Цянькунь, полная резных балок и расписных карнизов, одна за другой рушилась под небесным и громовым пламенем. Обе стороны длинной улицы превратились в выжженную землю. Сквозь пыль и дым Фу Линцзюнь, в запятнанных белых одеждах, медленно шёл туда, где собрались остальные культиваторы, крепко держа Цзян Тана за руку.

Он делал шаг вперёд — и толпа вразнобой отшатывалась на несколько шагов. Так продолжалось, пока они не отступили почти к тому месту, где Хуай Шоусинь и Янь Цунси залечивали раны. Дальше никто не посмел сунуться, чтобы не мешать им, и толпа наконец остановилась.

Только Хуай Чэнъинь и Сян Син не двинулись с места.

Сян Син не пятился, потому что собирался встретить хозяина и Сяо Бая. А Хуай Чэнъинь остался стоять потому, что слышал все эти разговоры.

Он знал Цзян Тана, знал брата Линя, знал Сян Сина. Они познакомились ещё до Битвы Небесных Дарований, потом он даже приводил их к себе в Аньюань, а затем все вместе приехали на Пир Десяти Сторон.

Они были друзьями. Познакомились не так давно, но успели стать очень близкими друзьями.

И вдруг теперь ему сказали, что один из тех, с кем он каждый день был рядом, на самом деле — печально знаменитый Фу Шэн, а честный, простодушный, искренний и милый Сян Син оказался тем самым чудовищем, что только что перебило половину людей в области Цянькунь!

Как он должен был с этим смириться?

Сян Син, волоча за собой длинные цепи, подошёл к Фу Линцзюню и послушно встал у него за спиной, ничуть не похожий на того злого духа, что только что потряс весь мир.

И не только Хуай Чэнъинь. Даже Е Чжэнвэнь и Сун Цзиньяо, которые тоже подняли глаза при приближении Фу Линцзюня, остолбенели.

Е Чжэнвэнь всё ещё был в ступоре, а вот стоявший рядом с ним Сун Цзиньяо уже не выдержал и, расталкивая людей, рванулся вперёд. Он так сильно стиснул зубы, что, казалось, вот-вот раскрошит их, и одним толчком за другим стал расталкивать живую стену перед собой.

— Эй, ты чего!

— Не толкайся!

Шум вернул Е Чжэнвэня к реальности. Он вдруг вспомнил, что Фу Шэн вырезал весь род Сун, и от испуга даже выронил окровавленный платок. Он, пошатываясь, вскочил и бросился хватать его.

— Брат Сун, Сун Цзиньяо... господин Сун!

Точно так же, как прежде Сун Цзиньяо удерживал его самого, когда он хотел идти к Цзян Чаньюаню, Е Чжэнвэнь крепко вцепился в него одной рукой, другой обхватил за плечо и рывком оттащил назад, с силой вдавив пальцы ему в плечи:

— Ты спятил?! Не смей туда идти!

Когда Сун Цзиньяо вскинул кулак, собираясь ударить, Е Чжэнвэнь, хотя и мог увернуться, почему-то вспомнил тот удар, которым сам только что в безумии заехал Сун Цзиньяо, и нарочно принял этот кулак лицом.

Голова у него мотнулась в сторону, во рту выступил привкус крови. Но он всё равно, пуская в ход духовную силу, которая сейчас была сильнее, чем у Сун Цзиньяо, намертво удержал его и потащил назад.

— Я знаю, тебе сейчас невыносимо, но сейчас не время геройствовать! Сначала подожди и посмотри, что он вообще собирается сказать. Сейчас главная проблема — Цзян Чаньюань, а не

он!

Сун Цзиньяо стиснул кулаки так, что суставы захрустели:

— Он убил весь мой род Сун!

— Знаю, знаю... — у Е Чжэнвэня и самого в голове был полный хаос.

С одной стороны, узнав, что Е Шэн на самом деле Фу Шэн, он испытал и ярость, и потрясение, и запоздалый ужас. Но с другой — пока они общались, Фу Шэн совсем не походил на чудовище из слухов. После того как он запечатал область Цянькунь, он не стал резать людей без разбора. Даже Сян Сина выпустил лишь затем, чтобы ранить часть собравшихся. Если бы он и правда хотел убивать, то разве стал бы щадить? Раз уж он способен запечатать Цзян Чаньюаня, неужели не справился бы с толпой культиваторов, ни один из которых не достиг святой ступени?

И вдобавок его дядя Цзян, которого он звал дядюшкой больше десяти лет, внезапно оказался сердечным демоном, пожирающим нечистые души, а родной дядя теперь лежал здесь тяжело раненый. Е Чжэнвэню казалось, что весь привычный мир рушится у него на глазах.

Но ничего этого он не мог сказать Сун Цзиньяо.

Тем более сейчас.

— Да приди же ты в себя! Если ты сейчас рванёшь вперёд, то что ещё сможешь сделать, кроме как умереть? Ты ведь хочешь отомстить? И чем ты собираешься мстить? Своей нынешней силой, когда ты ещё даже до мастера Дао не дорос?!

Слова у него вышли слишком резкими, но по-другому он боялся, что Сун Цзиньяо сорвётся. Одновременно оттаскивая его назад, он продолжал уговаривать:

— Сначала переживём этот момент, а уж потом будем думать о мести. Хорошо?

Глаза у Сун Цзиньяо были красные, а ногти так глубоко впились в ладони, что почти прорезали кожу. Долго, тяжело дыша, он наконец разжал зубы, с силой стряхнул руку Е Чжэнвэня, отвернулся и отошёл, пока не сел рядом с Янь Цунси.

Е Чжэнвэнь наконец выдохнул.

А затем следующая фраза Фу Линцзюня снова заставила его сердце подпрыгнуть к самому горлу.

— Раз уж все вы здесь, не одолжите ли мне по ниточке сердечного огня?

Фу Линцзюнь произнёс это небрежно, но от его слов собравшиеся культиваторы едва не взвыли от ярости.

Что такое сердечный огонь? Это часть самой жизни культиватора! Если сердечный огонь погаснет, это всё равно что оборвать сердечную жилу: останется только ждать смерти! Настолько важную вещь Фу Линцзюнь попросил одолжить так легко, да ещё и у всех разом. Наглость была просто беспредельной.

— Кто знает, вдруг ты просто хочешь разом со всеми нами покончить! — кто-то не выдержал и выкрикнул вслух.

Люди всегда храбреют, когда у них появляется первый голос. Стоило одному заговорить, как остальные тоже осмелели и загалдели все разом.

— Вот именно! Сердечный огонь — вещь слишком важная, с какой стати мы должны отдавать его тебе!

— Для чего тебе вообще наш сердечный огонь?

— Хоть убивай, а нечего морочить нам голову!

Цзян Тан невольно скользнул взглядом по лицам тех, кто это говорил.

Даже у Сун Юнчжэна, когда тот сталкивался с Фу Линцзюнем, выражение лица бывало не страшнее этого. А у этих людей ведь с Фу Линцзюнем вообще не было личной вражды.

Он невольно крепче сжал руку Фу Линцзюня, и в сердце у него поднялось раздражение.

Но Фу Линцзюнь только погладил его по руке, успокаивая. Затем высоко приподнял уголки губ и, глядя сверху вниз на культиваторов, которые его боялись, лениво сказал:

— Ну раз так, ладно. Как только выберусь отсюда, сниму печать со святого. А дальше развлекайтесь сами.

Культиваторы переглянулись.

Они невольно покосились сначала на кровавый кокон, внутри которого всё ещё было немало движения, потом на Фу Линцзюня, и в итоге никто не посмел заговорить снова. Ведь если Фу Линцзюнь уйдёт, а они не смогут сломать эту проклятую печать, то останутся здесь взаперти и

просто будут ждать смерти.

Позади остальных смертельно бледный Янь Цунси медленно открыл глаза и попытался подняться. Хуай Шоусинь в ужасе протянул руку, чтобы прижать его обратно, но Янь Цунси лишь рукавом стёр кровь с уголка губ и покачал головой.

— Чжэнвэнь, — слабым голосом позвал он.

Е Чжэнвэнь стоял рядом с Сун Цзиньяо, всё ещё опасаясь, что тот снова сорвётся и побежит на смерть. Но стоило ему услышать голос дяди, как он тут же бросился к нему и помог подняться.

— Дядя, — впервые видя его таким слабым, у Е Чжэнвэня болезненно сжалось сердце. — Дядя, что ты хочешь сделать? Тебе надо лечиться, не двигайся.

Янь Цунси лишь махнул рукой и медленно пошёл к Фу Линцзюню.

— Дядя? — Е Чжэнвэнь ничего не понимал.

Но Янь Цунси ничего не объяснил и только упрямо шёл вперёд. Е Чжэнвэню пришлось поспешно раздвигать людей и поддерживать его, шаг за шагом подводя к брату Линю, который вдруг стал для него чужим.

Этот короткий путь тянулся очень долго. Увидев, в каком состоянии находится Янь Цунси, окружающие культиваторы сами расступились, образовав перед ним дорогу. Бесчисленные глаза следили за ним, и взгляды у всех были сложными.

Янь Цунси было тяжело даже дышать, но, оказавшись лицом к лицу с Фу Линцзюнем, он всё равно держал спину прямо. Некоторое время он молчал, затем одной рукой сложил печать и несколько раз коснулся груди. Изнутри его тела медленно отделился чистый оранжево-красный сердечный огонь и опустился на кончики пальцев.

— Дядя! — Е Чжэнвэнь так испугался, что у него на мгновение даже дыхание прервалось. Но он не осмелился вмешаться, боясь, что своей поспешностью только ещё сильнее навредит дяде.

От света огня губы Янь Цунси казались ещё бледнее.

Он протянул к Фу Линцзюню окровавленную ладонь, на которой плясал этот крохотный огонёк сердечного огня, и сказал:

— Бери.

<http://bllate.org/book/17032/1721942>